

САН-ФРАНЦИСКО

ОЛЬГА НАЙДАНОВА
Родилась в Ленинграде,
выросла в Петербурге, живет
во Франкфурте-на-Майне.
По образованию — эконо-
мист, по жизни — авантюрист.

Говорит на пяти языках,
пишет на русском — прозу
и стихи. Выпускница школ
CWS и BAND. Публиковалась
в журнале «Пашня». Любит
вино, горы и все красивое.

Барная стойка была как лист мать-и-мачехи — гладкая сверху и шершавая с изнанки, о нее наверняка рвались бы колготки, носи их здесь женщины. Пахло жареной рыбой и потом. Я заказал ледяного лимонада — для алкоголя слишком жарко. От влажности кожа стала мягче и пахла по-новому, сладковато. Я вытер лицо салфеткой, она побурела. Стойка раскинулась через весь кабак — на другом конце гоготали матросы с нашего судна. Квадратнолицые и смуглые, они, как черные клавиши пианино, перетасовались с длинными белыми голландцами с другого парохода. У нас на судне почти все матросы филиппинцы — они вдвое дешевле и втрое усерднее европейцев. Шел пятый день в этом утопленном бразильском городишке с одним причалом. Поставку груза — замороженного мяса (тогда я еще интересовался тем, что мы везли) — задерживали, дороги размыло теплым ливнем. Пить с матросами я не любил, уже тогда держался отдельно, а в бар завернул со скуки — устал валяться после работы на узком пляже с мелким песком и слоняться по двум колониальным улицам, где на мою русую голову показывали пальцем.

Черный бармен с белой улыбкой кивнул в сторону сидевшей в метре от меня девушки:

— Russki, look! Nice senorita.

Боковым зрением я нашупал ее уже несколько минут назад. Насчет nice я не был уверен. Красо-

та у нее была дерзкая, даже звериная, обратная знакомой мне тогда славянской — милой и закругленной: кожа — черная, блестящая резина, губища — в пол-лица, глаза — чуть раскосые и оттого будто надменные. Волосы — мелкий бес пушистой копной, мне сразу же захотелось их примять.

Я улыбнулся ей. Ее большие губы колыхнулись: — Drink?

Я заказал ей мамбу... или джамбу — местный коктейль. Наши матросы заулюлюкали на другом конце бара. Она пила и смотрела на меня:

— Blue sea eyes. Beautiful.

В Южной Америке мои голубые глаза производили на всех, особенно на женщин, очень сильное впечатление. Со мной даже фотографировались — якобы я похож на польского футболиста. Единственное сходство, которое я увидел, отыскав его фото в журнале, — цвет кожи и глаз. Я заказал ей вторую джамбу.

— Seaman? You go... ship? — Она изобразила узкой рукой волну. Ее английский был даже хуже моего.

— Yes, third engineer.

— Russki? — А глаз у нее наметан.

Еще через пять дринок я стоял в маленьком номере отеля, пахнушем ею, а она занавешивала шторы. Ее губы вдруг оказались близко-близко. Все погрузилось в туман.

Она лежала на спине – голая, лоснящаяся, с сигаретой:

- Money.
- Деньги?

Так вот оно что... дурак... голубые глаза, блин... После дринок у меня в кошелке ничего не осталось. Она перевернулась на живот и попросила отдать вечером в баре. Наглая черная кошка. Только сейчас я заметил, какой в номере царил беспорядок – кругом валялись комки одежды, сумки и журналы. Я быстро вышел. Посмотрим.

На палубе, под утренним еще не палящим солнцем, четверо матросов что-то весело обсуждали. Они тоже встретили вечером девушек, которые попросили заплатить. Оказывается, это здесь обычное дело. Девушки ездят по прибрежным городам и зарабатывают. А моряки считаются богачами. Один из филиппинцев заулыбался мне:

- Sir, how was your night?

Я махнул ему и промолчал. Меня только повысили, сплетни ни к чему. Тем более в Петербурге ждала Ольга.

Вечером я пошел отдавать деньги. Черная кошка сидела за барной стойкой, на том же месте.

- You have money?

Я кивнул и решил выпить. Потом выпил еще. Я все думал, сколько же ей лет. Возраст белых девушек я научился определять с точностью до года, но с темнокожими все не так. Поначалу я дал ей восемнадцать, но, понаблюдав за тем, как она держится, понял, что она старше меня. Мы сидели и молча высасывали коктейли. Надвигался душный вечер, с океана не шел бриз. Я думал о доме, о свежем ветре с залива – он пахнет водорослями. Я скучал по розовому питерскому граниту, низкому небу, запаху черного чая с чабрецом, по волосам Ольги и ее упругому животу, который уже шесть месяцев рос без меня и скоро должен был лопнуть.

Я не понял, как это вышло, но через некоторое время мы уже лежали, запыхавшись, поперек кровати. В той же комнате отеля, что и вчера, только уже прибранной. Я исследовал ее лоснящуюся кожу. Обнаружил два шрама – один тонкий, внизу живота, другой – на боку, похожий на ожог.

- Bullet, – показала она на шрам на боку и закурила в постели. – Don't worry, russki. It went through. (Пуля... Не беспокойся, русский, прошла насквозь.)

Я вытаращил глаза. Чем она занимается, кроме проституции?

- I am Sergey... Seryoga... and you?

Она молчала.

Где-то я читал, что в каждом аромате есть три ноты: верхние – цитрусовые, средние – фруктовые, и базовые – ваниль, дерево, мускус. В ее запахе доминировала базовая нота, с примесью пота и солнца. Это были точно не духи, а ее собственный запах – природный, настоящий. Я вдыхал бы его вечно.

Утром я оставил деньги на покоечном столике у входа. Она пересчитала:

- Too much...

Я мотнул головой. Я хотел ее снова видеть – стыдился себя, не знал, к чему это все, но хотел. Возможно, мне было нужно, чтобы меня кто-то сильно обнял и ни о чем не спрашивал. В тот день нам сообщили, что корабль задерживается еще минимум на неделю. После работы я побежал в бар. Она сидела там. Неужели ждет меня? Интересно, если бы голландец успел раньше, она пошла бы с ним? Я сказал ей, что остаюсь и у меня есть деньги. Она наконец назвала свое имя – Глория. И впервые улыбнулась. Таких белых ровных зубов я еще не видел.

Днями я копошился в двигателе, читал отчеты, давал распоряжения филиппинцам, а вечерами встречался с Глорией – в том же отеле, она снимала там комнату. Поначалу мы проводили все время в постели, но однажды она сказала: ресторан. Ресторана в городишке было два. Она выбрала, конечно, дорогой, прямо у воды, и заказала самое дорогое блюдо – лобстера.

- Ты знаешь, как переводится название этого города? – спросила она по-английски, вдруг произнесла фразу больше чем из трех слов.

- Сан-Франциску-ду-Сул – выходит, Южный Сан-Франциско.

- Да... И похож он на Сан-Франциско? Я искала... в журналах.

Сходства не было никакого. Я часто бывал проездом в Сан-Франциско. Особенно меня поразили нищие, сидящие в картонных коробках, целые районы таких коробок. Я рассказал, что Сан-Франциско – гигантский, американский, с красивым мостом, музеями, небоскребами, парками.

Она слушала, усердно высасывая клешни лобстера. Я предположил, что она наверняка не наелась. Она засмеялась. Красивый смех – грудной, искренний. Я заказал ребрышки, рыбу, овощи и вино.

- Гулять так гулять! – сказал я по-русски.
- Гулят! – повторила она как ребенок.

Ночью мы просто спали и не занимались любовью. Утром Глория посмотрела мне в глаза и сказала тихо, по-русски: спасибо.

Занятий в городишке было немного: ресторан, променады у моря, бар и наша постель. Были еще брусчатая мостовая и желто-белая католическая церковь. У церкви все сидела бабуля в черном, косилась – я русский, маленький, коренастый, а рядом – моя черная кошка с блестящей кожей и курчавой копной на голове. Наверное, это и нравилось мне больше всего: что мы такие разные. Однажды Глория откуда-то достала «Поляроид», и мы наделали кучу снимков – на причале, у моего парохода, даже у церкви, но большинство – в постели.

Иногда я представлял, как останусь, женюсь на Глории, сделаю ей маленького сынишку цвета мокко – вдруг у него тоже будут голубые глаза? Потом, конечно, одергивал себя – Серега, ты с ума сошел, надо домой, скоро родится сын. А где, в сущности, мой дом? Последние полгода – на этом пароходе, с филиппинскими матросами – как и каждые полгода в последующие тридцать лет моей жизни.

Неделя превратилась в три, но наконец нам сообщили, что отъезд через день. Глория смотрела на меня не моргая, надув большие губы.

В последнюю ночь мы занимались любовью так, что в какой-то момент мне показалось, что мы боремся, а потом Глория нежно целовала меня в полузакрытые глаза и кусала мочку уха, оттягивая сережку.

- Не хочу завтра, – сказала она на своем обрывистом английском. – Завтра ты уедешь. Снова жизнь. Трудно.

Я гладил кожу на ее спине. Я любил жену. Верил, что любил. Но я тоже не хотел завтра. Причем страшно.

Я заранее попросил на судне аванс и оставил Глории денег на полгода. Она не посмотрела на стопку долларов, не стала считать. Я целовал ее губы, шею, глаза. Она вцепилась руками в мои плечи, до хруста. Прошло десять минут или час. Я вышел и больше не оглядывался, не мог.

Судно отходило. Нежное утреннее солнце осветило холмы, церквушку и порт. Я вглядывался в лица немногих провожавших, искал ее. Хватит, Серега, пора домой, это не твоя жизнь, что ты себе вообразил? И тут я увидел Глорию. Она стояла в белом платье, черные глаза опухли. Ее

фигура уменьшалась, стала статуэткой, светлым пятнышком, точкой... и исчезла.

«С кем это ты здесь?» – Ольга держала в руке маленький выцветший поляроидный снимок, на котором слились воедино два овала – белый и черный. Девятнадцать лет назад я не смог ее разорвать и выбросить, как все остальные. Спрятал на дно икеевской коробки с открытками и старыми счетами, а коробку запихнул на нижнюю полку шкафа. После того как сын уехал учиться, наша с Ольгой квартира окончательно опустела, как и брак. Я решил съехать, и Ольга последней данью нашим затухшим отношениям помогала выгребать мои вещи из всех щелей. Неужели она перерыла все содержимое той коробки? Я пробормотал в ответ что-то про «местных». Ольга усмехнулась, вышла. Я опустился на табурет в пустой комнате и устал встал в стену. Сколько раз я обещал себе не возвращаться к мысли о тех днях и о том, что могло бы быть. И столько же раз нарушал это обещание. Я снова сидел за той барной стойкой. Она была как лист мать-и-мачехи – гладкая сверху и шершавая с изнанки.

